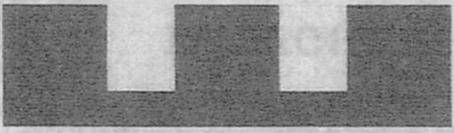

Рассказывать или не рассказывать?

Премьеры на сценах Штутгарта и Людвигсбурга

Штутгарт-Локкум

Алексей Парин

штутгартская опера, еще не открыв сезона, предлагает премьеру: в дополнение к «Синей Бороде» Оффенбаха и «Замку герцога Синяя Борода» Бартока шесть молодых композиторов (отобранных Вольфгангом Римом стипендиатов небезызвестной Академии Schloss Solitude) создали в режиме наибольшего благоприятствования опус под названием «Шесть раз Синяя Борода», а режиссер Тейгун Наубари и художница Анна-Катарина Хобель в авральном порядке превратили партитуры в театральное высказывание.

«Шесть набросков молодых композиторов на тему мифа Синей Бороды» (подзаголовок акции) соединяют разные жанры и виды искусств: игра с видеопроекцией и кино включается то жесткими конкретностями, то размытыми пятнами в инструментальный театр, который в свою очередь ненавязчиво перетекает в танц-театр или в обыкновенную (?) камерную оперу. Цель, преследуемая этим молодежным экспериментом, достигнута: пространство фойе и зала штутгартского «Камерного театра» не только обжито, но и переосмыслено, границы между реальностью и театром то ли подчеркнуты, то ли стерты — до такой степени, что фикциональное, предельно искусственное и почти претенциозное по своей природе начинает излучать энергию истинной, «высшей» жизни.

Разочарование (музыкальное и театральное в равной мере) только одно: композиция американца Фрэнка Кокса «Запад», в которой на темной сцене скучный баритон (американец Даниэл Сьютин) долго пишет письмо идеальной возлюбленной, а потом мылит веревку, висющую над его тюремным столом. Произведение носит модный лейбл work in progress, но почему-то не кажется, что какие бы то ни было усовершенствования могут спасти этот отнюдь не дикий Запад от обесмысливающей скуки.

Зато все остальное музыкально складно и стильно. Штучно-изобретательны и броски «Реплики» (или «Вбрасывания»: Einwürfe) швейцарца Андреаса Штала, то строго лаконичные, то задумчиво развернутые пре-, интер- и постюдии для контрабаса и К²; в одном из «Вбрасываний» осуществлена на практике смычка музыкантства и лицедейства: динамичный актер из Сингапура Йойо Уркико и немецкий струнник Штефан Кох-Роос соорудили из четверть- и полуслов в комбинации с дважды жестами и трижды звуками такую убедительную абракадабру, что душе пришлось волей-неволей захмелеть от счастья и заблудиться в лабиринтах смыслов.

Шикарна композиция двух кусков из Карлсруэ Райнера Лоренца и Йорга Майнки Show down: в центре фойе по наклонному мосту с разнообразными прибабасами (типа домашней гильотины, время от времени упругим хряпаньем предлагающей свои услуги) едет стул с виолончелистом (Маркус Тилье), упрямо извлекающим разнообразные звуки из распираемого инстру-

мента, а в это время экран, к которому движется мебельно-виолончельно-человеческий кентавр, то пугает, то чарует нас разными ликами фикциональной яви; дело кончается тем, что кентавр прободает экран и тем самым завершает спор о границах допустимого.

В моноопере Beware of the dog (Берегись собаки) американца Эрика Онья на первый план выползли крики и шепоты женщины в экстравагантном белом одеянии, мечущейся перед беснующимся экраном. Голос Саломе Каммер, гордо чуравшийся жирного вокала и округлого дикторства, заползал нам под воротники и царапал кожу: фрагментированные тексты Гейне и Гюго, Эмили Дикинсон и Мориса Метерлинка упрямо вели нас во внутреннюю покои души, где — в самой глубине лабиринтов — таилась никогда не открываемая комната ужаса. Синяя птица посылала дружеский привет Синей Бороде.

Женщины — жертвы Синей Бороды, диктатора в фуражке с высокой тульей, — металась и билась в конвульсиях, театральные и натуральные, на подмостках танц-опуса «Кладовка» под музыку уругвайца Альваро Карлеваро. Мучитель долго жил тенью, силуэтом персонажа из «Ночного портье» на экране, и только в самом конце рискнул явить нам воочию неподражаемо садистский, милитаристски элегантный облик. Главная мученица (темпераментная испанская танцовщица Рут Рубио) и дуэт музыкантов (неутомимый контрабасист Штефан Кох-Роос и феерический ударник Олаф Чоппе) насытили акцию шумом и яростью.

Самым изысканным эпизодом оказалась камерная опера «Шесть фруктов против Синей Бороды» (концепция бывшего киевлянина, ныне штутгартца Андрея Критенко, музыка Штефана Бартлинга). Не в последнюю очередь уровень события определила феноменальная исполнительница — певица Уте Вассерман, голос которой не знает границ и легко трансцендирует из сферы жирного вокала в ангельские по-свистывания и дьявольские гудения. Спустившись по настилу посреди зала на сцену, Женщина и ее Мужчина с синей бородой продолжали терзать друг друга фрагментами фраз на разных языках (от камерунского диалекта до древнееврейского с участием немецкого, грузинского и русского в паре с украинским). Странное дело, претенциозная невнятица ничуть не раздражала: плотность энергии на единицу времени оказалась такой высокой, что душе пришлось снова волей-неволей вылезти из своего скудельного жилища и воззреться на мир с нескрываемым интересом. Голоса то ласкали, то душили друг друга, то смягчались, то ожесточались, фрукты один за другим падали в круглый аквариум с золотыми рыбками. Когда го-

«ШЕСТЬ РАЗ СИНЯЯ БОРОДА». ЙОЙО УРКИКО И ШТЕФАН КОХ-РООС В ОДНОМ ИЗ «ВБРАСЫВАНИЙ» АНДРЕАСА ШТАЛЯ

лова синей Бороды под натиском женских рук с плеском погрузилась в аквариум и стало ясно, что сеанс укрощения злодея окончен, душу посетила грусть, обычная при расставании с самыми чистыми радостями.

На следующий день после премьеры «Шестикратной Синей Бороды» в Штутгарте близлежащий Людвигсбург зазывал публику на событие мирового значения. Всемирно известный канадский режиссер Роберт Лепаж показывал недавно завершённую драматическую сагу «Семь рукавов реки Ота». Восемичасовое представление, в котором музыка и драма, кино и кукольный театр, пение и танец искусно сплетены в целостный и нерасторжимый конгломерат, изобилует потрясающими актерскими работами, блистательными режиссерскими трюками и умными мыслями. Но по природе своей оно оказывается всего лишь облагороженной «мыльной оперой», в которой на первый план вырывается нарративный пафос. Череду рождений и смертей (в том числе самоубийств, в том числе очень красивых), расставаний и узнаваний, загадок и разгадок (в том числе очень простых) не открывает дверей в другую, высшую жизнь, эмоции не без интереса участвуют в течении чисто фикциональной реальности, но душа-улитка безучастно сидит в своем домике: лучше подумать о вечном наедине с самой собой, чем тратить время на сплетни, пусть и очень серьезные (серьезные по-настоящему: достаточно сказать, что центром сюжета в этом изошренном действе служит Хиросима — в самых разных ипостасях).

Рассказ как таковой, в котором бытовые подробности доведены до рафинированности гиперреализма, навеивает тоску и оставляет безучастным, хоть убей. Претенциозные ужимки нарочито-авангардистской акции, имеющей к Синей Бороде отношение в основном по касательной, настраивают на оптимистический лад и старательно подпитывают наш интерес к устрашающей загадке жизни.